

Ч. С. Цыбенова

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается динамика функционального развития современного тувинского языка в русле диахронно-социолингвистического подхода. Дана попытка охарактеризовать историю функционального развития тувинского языка в связи с историей тувинского общества, описываются социальные изменения, имевшие непосредственное влияние на функциональное состояние языка. В работе условно выделено несколько этапов, что позволяет увидеть движение языка от одной стадии к другой. Особое внимание уделено досоветской эпохе: тувинско-монгольским языковым контактам, истории возникновения тувинской национальной письменности, особенностям функционирования языка в период существования Тувинской Народной Республики, политической обстановке. В целом данный период рассматривается как положительный, что связано с формированием и становлением литературной формы языка, значительным расширением его общественных функций. Дается анализ функционального состояния языка в советский период, характеризующийся усилением роли русского языка в жизни тувинцев, постепенным ростом уровня тувинско-русского двуязычия, сокращением некоторых сфер функционирования тувинского языка. При этом проведенные исследования показывают, что в период СССР он оставался основным средством коммуникации тувинцев. Социально-политические преобразования начала 90-х гг. способствовали урегулированию юридического статуса тувинского языка, укреплению национального самосознания тувинцев. На основе исторической реконструкции представлена общая картина взаимодействия тувинского языка с монгольским и русским языками. В результате установлено, что именно монгольский и русский языки оказали существенное влияние на его современное состояние и являются его основными языками-компаньонами. В исследовании показано, что монгольский и русский языки в основном выполняли функцию языка делопроизводства, межэтнических контактов, обслуживали исключительно официальные сферы. Автор приходит к выводу, что тувинский язык не успел укрепить свои позиции в данных сферах. Подобная функциональная дистрибуция сегодня привела к ограниченному, ассиметричному использованию тувинского языка в сферах организованного общения. В заключение выделены основные этапы функционального развития тувинского языка.

Ключевые слова: *языковая ситуация, функциональная дистрибуция, общественная функция, тувинский язык, тувинцы, Тува.*

Проблема функционального развития языка является одной из наиболее сложных теоретических и практических задач социолингвистики. Понимание состояния языка в настоящем невозможно без рассмотрения этноязыковых процессов и явлений, происходивших в жизни данного общества в прошлые времена. Изучение языковой ситуации в диахроническом аспекте особенно актуально для многонациональных государств как Российская Федерация, на территории которой софункционируют несколько типов языков в едином коммуникативном пространстве. Для отдельного языка подобный анализ необходим для объяснения его современного состояния, важен для выявления дальнейших перспектив его развития, для многоязычного государства – для планирования языковой политики, регулирования, гармонизации функциональной дистрибуции языков на ее территории.

Недостаточно изученным в этом плане следует назвать и современный тувинский язык. В функциональном аспекте наиболее полно освещены и изучены два периода развития тувинского языка: советский (с середины 40-х гг. XX в.) и перестроечный (90-е гг. XX в.). В эпоху СССР в основном писали о становлении его литературной формы и влиянии на данный процесс преимущественно русского языка. Эта тенденция была продиктована необходимостью изучения роли русского языка в общественной жизни народов СССР, его влияния на языковое развитие младописьменных языков (Сердобов, 1968, 1971; Сат, 1973, 1980 и др.). В 90-е гг. главным образом обращали внимание на юридические вопросы:

фактический статус тувинского языка, его соответствие конституционным нормам как Республики Тыва, так и Российской Федерации (Балакина, Анайбан, 1995 и др.). В новый период языковая ситуация в Туве стала рассматриваться более комплексно, наряду со степенью владения тувинцами русским языком, стали обращать внимание и на степень владения родным языком, поднимаются вопросы развития тувинского языка в цифровую эпоху (Бавуу-Сюрюн, 2007, 2016 и др.). Характерной чертой большинства исследований является общие проблемы развития языка, языковой компетенции тувинцев, их языковой социализации и то, что все они представляют собой отдельные, разрозненные исследования. Поэтому состояние языка изучается исключительно в тот или иной момент его развития, дается синхронный срез его функционального состояния.

В настоящей статье дана попытка описать динамику социальных функций тувинского языка с точки зрения диахронической социолингвистики, предусматривающей, прежде всего «систематическое, последовательное соотнесение языковых фактов и социальных процессов» (Беликов, Крысин, 2000: 242). Картина функционального развития тувинского языка анализируется нами в так называемых пределах «исторической досягаемости». Ранний период этноязыковой истории тувинцев нами не рассматривается из-за значительной отдаленности от современного состояния тувинского языка. Отметим лишь то, что ученые предполагают его тесную взаимосвязь с древнеуйгурским языком, который впоследствии, по-видимому, стал субстратной основой тувинского языка (Доржу, 2008), есть многочисленные свидетельства существования древнетюркской рунической письменности на енисейском алфавите на территории Тувы с VII в. до начала XIII в. (Маннай-оол, 2001).

Состояние языковой ситуации в Республике Тыва в наши дни показывает, что в становлении и развитии функциональной стороны тувинского языка огромную роль сыграли именно монгольский и русский языки. По мнению Б. И. Татаринцева, каждый из них функционировал в качестве второго языка тувинцев с той лишь разницей, что сначала эту функцию выполнял монгольский язык, а затем русский (Татаринцев, 1968: 9). Поэтому в работе преимущественно уделяется внимание предпосылкам формирования тувинско-монгольского и тувинско-русского двуязычия у коренного населения Тувы, как основным типам функциональных парадигм, позволяющих раскрыть и объяснить суть современных языковых процессов.

Согласно археологическим материалам и палеоантропологическим данным предки современных тувинцев жили в непосредственном соседстве с носителями древних монгольских диалектов еще в VI–VIII вв. (цит. по Татаринцев, 1976: 3). Далее с покорением войсками Чингисхана Саяно-Алтайского нагорья в начале XIII в. влияние монголоязычных племен все более усиливалось (Маннай-оол, 2004: 82). Тесные этнокультурные связи тувинцев продолжались и после распада монгольской империи, когда территория Тувы оказалась на стыке владений восточных (халха-монголов) и западных монголов (ойратов). В конце XV в. она находилась в составе государства Алтын-ханов, а в первой половине XVIII в. была в подчинении Джунгарии. Затем в 1757–1911 гг. тувинцы вместе с монголами находились под властью Маньчжурской (Цинской) династии.

Указанные исторические события дают возможность предполагать, что хозяйственно-бытовые, этнокультурные и языковые связи, предков современных тувинцев с монголоязычными племенами являлись по существу непрерывными. Однозначно ответить на вопрос о языке, обслуживавшем многочисленные межэтнические контакты, в том числе о языке-посреднике между предками тувинцев и монголов, нельзя. Возможно, это был язык доминирующего этноса. По крайней мере, в Туве как когда-то подвластной Монголии территории были найдены археологические памятники в виде иероглифических и монгольских надписей на различных предметах, свидетельствующих о том, что в XIII–XIV вв. прототувинцы были знакомы с монгольской письменностью (Самдан, 2001: 166). Имеются также сведения, что еще с XIII в. как личная, так и официальная переписка велась на старописьменном монгольском языке, а отдельные грамотные люди читали монгольскую литературу (цит. по Маадыр, 2009: 137).

Более широкое распространение монгольский язык получил в период господства Маньчжурской (Цинской) династии. В основном он функционировал в качестве языка делопроизводства и обслуживал управленцев, представителей духовенства, зажиточных кочевников. По сведениям Б. И. Татаринцева, детей тувинцев, принадлежащих к феодальной верхушке, специально отправляли в Монголию «... где они проходили подготовку к делам государственного правления и, именно с этой целью, изучали монгольский язык и письменность» (Татаринцев, 1976: 7). Вместе с тем, языковая ситуация в пограничных с Монголией районах в наши дни показывает, что тувинско-монгольский билингвизм был когда-то распространенным явлением и среди простых аратов.

Официальное провозглашение буддийской веры как государственной также способствовало распространению монгольского языка. Известно, что получение духовного образования представляло собой своеобразную систему. На начальном этапе молодые ламы отправлялись сначала на учебу в Монголию, а затем наиболее способные успешно прошедшие испытательный срок для продолжения образования ездили учиться в Тибет (Монгуш З., 2007: 8).

Как видим, к моменту образования Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921 г. монгольский язык уже применялся в качестве языка делопроизводства, межэтнического контакта, культурных запросов и обучения. Функцию письменного языка выполнял старописьменный монгольский язык, использовавшийся для делопроизводства, выпуска газет, журналов и печатных книг. Очевидцы сообщают, что вследствие отсутствия собственной национальной письменности тувинский язык в данный период в основном развивался и функционировал как язык устного общения, фольклора и проведения отдельных мероприятий, например, культовых и обрядовых праздников (Монгуш Д., 2009: 222).

Первые годы существования ТНР (1921–1930 гг.) стали своеобразным периодом расцвета функционирования монгольского языка в Туве, когда его общественные функции значительно расширились. Он официально стал языком обучения, так как проблема образования стала приобретать все более острый и общенациональный характер, а в партийных кругах стали обсуждаться вопросы о ликвидации всеобщей неграмотности. В связи с этим в декабре 1924 г. Центральный Комитет Тувинской народной революционной партии (ЦК ТНРП) принял решение обучать аратов на монгольском языке, независимо от пола и возраста. Появились первые светские школы, которые охватывали небольшое количество детей. Конечной целью всего процесса обучения было разъяснение политики партии для молодых членов ТНРП (История Тувы, 2007: 244).

Вместе с тем правительство молодой республики ставило перед собой задачу формирования инфраструктуры духовной культуры на основе сочетания уже существовавшей сети монастырей и новых школ. Однако на деле эти меры реализовывались слабо. Поэтому с 1927 г. был поставлен вопрос об отделении религии от образования и создании тувинской национальной письменности (История Тувы, 2007: 243–246). С этого момента картина функционального взаимодействия тувинского и монгольского языков кардинально изменилась: функции последнего стали постепенно сворачиваться, а с введением в 1930 г. тувинской письменности на основе латинизированного новотюркского алфавита его значимость вовсе утрачивается.

Вопрос о статусе монгольского языка, о его бытовании после введения тувинской письменности в историографии освещен крайне слабо, но однозначно основная причина, почему он не мог стать государственным или иметь какой-либо иной юридический статус, заключена в политико-идеологических установках государственной власти и партии. А. К. Кужугет приводит ссылку на Резолюцию по докладу о задачах культурного строительства на VIII съезде ТНРП от 10 ноября 1929 г.: «Исходя из того, что выработка родной письменности и ее усовершенствование продлится ряд лет, и считаясь с тем, что изучение монгольского письма и письменности представляет для тувинцев большие трудности, в силу отсталости и некультурности монгольского языка и письменности – признать необходимым ввести во всех школах преподавание русского языка, являющегося наиболее культурным по сравнению с монгольским и

открывающим доступ к подготовке квалифицированных кадров работников» (цит. по Кужугет, 2006: 182).

Время создания письменности для тувинского языка совпало с периодом определения международного статуса и формирования как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического курса тувинского государства. Как указывает С. В. Саая, интересы тувинского народа разными политическими силами понимались по-разному: монгольское руководство считало Туву частью Китая, советские представители были за сохранение протектората России; часть тувинского руководства склонялась к Монголии, а другая часть тувинского правительства и большинство населения было за сохранение суверенитета ТНР (Саая, 2003: 156).

Неопределенность политической обстановки отразилась и на языковой жизни ТНР, в частности, на создании национальной письменности. В тувинской историографии данный вопрос в целом рассмотрен достаточно детально в публикациях различных авторов. Более конкретно об истории его возникновения, внедрения в образовательный процесс, о существующих на этот вопрос противоречивых взглядах в современном тувиноведении можно ознакомиться в публикациях Б. И. Татаринцева (Татаринцев, 2000, 2004).

Известно, что существовало два проекта письма: местный и советский, между которыми и развернулась борьба. Создателем местного проекта считается ученый лама Монгуш Лопсан-Чимит, разработавший его на основе немецкого алфавита. Данный проект был поддержан религиозным духовенством и в 1929 г. получил одобрение на заседании Политбюро ЦК ТНРП, но его изучение началось еще до официального принятия новой письменности (Татаринцев, 2009: 47). Однако в условиях политической нестабильности дальнейшее внедрение проекта было приостановлено, а сам ученый-монах репрессирован.

Советский проект представлял собой коллективный труд. Известно, что у его истоков стояли такие именитые ученые, как Н. Н. Поппе и Е. Д. Поливанов. Б. И. Татаринцев отмечает, что вследствие политических репрессий и гонений в советские годы, кто конкретно был автором тувинской национальной письменности на латинизированной основе, в какие сроки велась разработка ее основ, каков был уровень научных представлений о тувинском языке, кем и какая велась исследовательская работа до сих пор недостаточно ясно (Татаринцев, 2009: 35). Основанный на едином унифицированном новотюркском алфавите данный вариант был окончательно утвержден декретом правительства ТНР от 28 июня 1930 г., который в последующем был внедрен и успешно освоен коренным населением.

Введение национальной письменности послужило мощным толчком для дальнейшего функционального развития и совершенствования тувинского языка. Он стал официальным языком ТНР и широко применялся на собраниях, митингах, партийных съездах, при проведении различных массово-политических мероприятий и культурно-просветительской работы среди трудового аратства, был языком преподавания и изучения, театра, радио, прессы и т. д.

30-е – начало 40-х гг. XX в. фактически стали кульминационным периодом в истории функционального развития тувинского языка. Он обслуживал исключительно все сферы коммуникации: и официальные, и неофициальные. Важнейшую роль сыграла тувинская письменность на латинизированной основе, при помощи которой власти в корне решили проблему неграмотности и малограмотности основной массы коренного населения.

Немаловажным следует считать тот факт, что на начальном этапе тувинский язык стал языком делопроизводства, когда были разработаны основные виды официальных документов – протоколы, постановления, приказы, объявления, заявления, доверенности, справки, акты, инструкции, извещения и пр. По мнению Ш. Ч. Сата, документы были написаны официально-деловым стилем, в них был соблюден принцип официальности, стандартности текстов, отсутствия эмоциональности и экспрессивности в лексическом составе текстов (Сат, 1980: 56). Однако практика ведения документации на тувинском языке осуществлялась и на местах, и в центральных органах до начала 40-х гг. XX в.

Создание письменности и становление литературного языка, организация народного образования способствовали становлению тувинского языка как основного средства преподавания, изучения и воспитания. Как учебный предмет в системе школьного образования тувинский язык начал преподаваться с начала 40-х гг. XX в. Сведения из различных источников свидетельствуют о том, что организация школьного образования, развитие собственно системы народного просвещения Тувы шло ускоренными темпами.

Так, если к 1931 г. в Туве было только 7 начальных школ (450 учащихся и 13 учителей), то к моменту вхождения Тувы в СССР (1944 г.) школами было охвачено около 60 % всех детей школьного возраста (История Тувы, 2007: 276). В этот период функционировало 125 школ, было издано 50 названий книг на тувинском языке, тираж газет доходил до 30 тысяч экземпляров (Тувинская письменность, 1980: 7). Все это привело к всестороннему расширению общественных функций тувинского языка.

Однако такое положение дел продолжалось до середины 1940-х годов, до вхождения Тувы в состав Советского Союза, когда постепенно начали усиливаться позиции русского языка. Бурно развивавшийся в функциональном отношении тувинский язык стал использоваться ограниченно. В частности, централизация в управлении привела к его ограниченному функционированию в официальной сфере, что наблюдается и в наши дни. Состав функционирующих языков сменился: монгольский язык постепенно заменяется русским.

Что касается русского языка, то первые контакты тувинцев и русских датируются еще началом XVII в., в связи с установлением торговых отношений России с территориями Сибири и Дальнего Востока и проникновением русскоязычного населения на территорию Тувы (Сердобов, 1971: 145–147).

Преобладание тувинского языкового окружения обусловило необходимость знания большинством русскоязычных переселенцев тувинского языка, который служил основным средством общения. Знание тувинского языка было особенно распространено среди купцов. При этом довольно неопределенное и неустойчивое в правовом отношении положение русских переселенцев способствовало только меновой торговле с тувинцами (Татаринцев, 1968: 6). Поэтому русским языком владели лишь те тувинцы, которые имели регулярные контакты с русским населением. Тувиноведы справедливо указывают, что «...в старой Туве не было объективных предпосылок для овладения русским языком ... в массовом масштабе» (Монгуш, Татаринцев, 1985: 5).

Кроме того, по мнению Б. И. Татаринцева, своеобразным барьером на пути проникновения русского языкового влияния в Туву служил монгольский язык (Татаринцев, 1968: 7). Поэтому реальные возможности для укрепления позиций русского языка и расширения его общественных функций появились лишь в последние годы существования ТНР (начало 40-х гг. XX в.). В этот период русским владела лишь часть населения, в основном представители интеллигенции. Однако уровень их знания был удовлетворительным, что было обусловлено нехваткой учителей, слабым материально-техническим оснащением, отсутствием помещений, однородностью национального состава населения.

Функциональная нагрузка взаимодействующих языков, как было упомянуто выше, изменилась с вхождением Тувы в состав Советского Союза. С этого времени по мере изменения национального состава населения и распространения тувинско-русского билингвизма функции русского языка постепенно расширялись и укреплялись. Переход тувинской письменности с латинизированного на русский алфавит с 1941 по 1943 г. также способствовал скорейшей культурной и политической интеграции Тувы в систему Советского Союза. Скорее всего, этот процесс имел политические установки.

Так, в докладной записке Министерства народного просвещения, адресованной в ЦК ТНРП со ссылкой на резолюцию XII внеочередного съезда ТНРП, сообщалось: «В целях дальнейшего развития революционной культуры и приближения ее к социалистической культуре народов СССР, поднятия тувинской письменности и литературного языка на новую высокую

ступень и лучшего вооружения трудящихся масс знаниями марксизма-ленинизма, перевести тувинскую письменность с латинизированного алфавита на русский алфавит» (ЦГА РТ. Ф. 79, оп. 1, д. 181, л.л. 10–11). В связи с этим Министерство приняло решение в 1943–1944 учебном году «охватить всех детей школьного возраста обязательным начальным обучением..., учебные программы школам составлять в соответствии и необходимостью воспитанию учащихся в духе марксизма-ленинизма. Включить в программу школ изучение русского языка» (ЦГА РТ. Ф. 79, оп. 1, д. 181, л.л. 10–11).

Начало данного периода характеризуется формированием и широким функционированием литературного языка, углублением стилистической дифференциации тувинского языка, обогащением его изобразительных средств. После вхождения Тувы в состав Советского Союза по мере изменения национального состава населения и распространения тувинско-русского билингвизма ведение дел в республике постепенно было переведено в основном на русский язык. Как указывает Ш. Ч. Сат, возросло влияние русского литературного языка на развитие тувинского языка (Сат, 1973: 188).

Тем не менее в советский период тувинский язык оставался основным средством коммуникации среди тувинцев. Результаты первого социолингвистического опроса, проведенного в 1967 г. сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР, показали, что он доминирует во всех сферах личной и общественной жизни тувинцев-сельчан. Так, в семейном кругу на родном языке общались с дошкольниками 99,8% и со школьниками 100% родителей. В процессе трудовой деятельности 99,5% работающего населения предпочитало общаться на тувинском языке. Также 88,2% респондентов было понятнее читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке (Сердобов, 1968: 83–86). Поэтому основным средством общения на селе оставался тувинский язык.

Данный период в целом характеризуется началом распределения функций между тувинским и русским языками различных сфер их применения в качестве средства коммуникации и информации. Безусловно, это связано с изменением языковой среды, с социальными, экономическими, политическими и иными преобразованиями в жизни республики. Общая стратегия выбора языка коммуникации предопределялась типом поселения (городское/сельское), национальным составом коллектива (моноэтничный/полиэтничный) и профессиональной специализацией учреждений.

По словам очевидцев, «...партийные конференции в Кызыле и районных центрах, на предприятиях и в организациях, где работают представители разных наций, как правило, проводятся на русском языке» (Сердобов, 1968: 83). Документы партийных и советских органов публиковались на русском и тувинском языках. Следовательно, отличительной чертой взаимодействия тувинского и русского языков с середины 1940-х до конца 1960-х гг. было их софункционирование в различных общественных сферах.

В 70-х гг. XX в. с выдвижением в стране идеи объединения всех народов СССР в новую историческую общность на основе русской культуры расширилась роль русского языка (Баскаков, Насырова, 2000: 35). Его доминирующее положение обусловило перевод делопроизводства на русский язык, рост влияния его литературной формы, что привело к ослаблению функционального развития тувинского языка.

В дальнейшем с развитием билингвизма сократились некоторые частные функции тувинского литературного языка. Специалисты отмечали, что многие тувинцы преимущественно стали читать художественные произведения, труды классиков марксизма-ленинизма, научные труды на языке оригинала, т. е. на русском языке, что снизило потребность в переводах. Начиная с этого периода, соответственно, отпала также необходимость в переводе на тувинский язык различных школьных учебников (Сат, 1973: 64).

Как и сегодня русский язык являлся ключом для получения высшего образования, поэтому родители предпочитали обучать детей на русском языке. Вследствие этого функция тувинского языка в качестве языка обучения впоследствии все более сужается.

Картина функционального развития не только тувинского, но и других национальных языков России, несомненно, меняется с распадом СССР в начале 90-х гг. Новый период в истории функционирования тувинского языка начинается с нормативного регулирования его статуса. Законодательному закреплению правовых основ тувинского и русского языков предшествовало бурное обсуждение проекта закона «О языках в Тувинской АССР» общественностью Тувы, инициированное Президиумом Верховного Совета Тувинской АССР (Постановление, 1990). В окончательном варианте закон об языках был принят позднее в декабре 1990 г.

На некоторые противоречивые моменты принятого закона, обусловленные политическими преобразованиями того периода, идеями суверенизации, указывали этносоциологи Г. Ф. Балакина и З. В. Анайбан. По их мнению, статус тувинского и русского языков был недостаточно сбалансирован: тувинский язык однозначно провозглашен государственным языком на территории Тувы (статья 1), а русский язык определен «в качестве государственного языка бывшего СССР, языка межнационального общения» (статья 2). Однако в действительности многие предусмотренные языковые нормативы остались нерешенными. В частности, не произошло приобщения нетувинского населения к тувинскому языку, ухудшилось знание русского языка у выпускников школ, возникли трудности в введении программ обучения тувинскому языку как государственному из-за недостаточного кадрового, финансового и учебно-методического обеспечения (Балакина, Анайбан, 1995: 109–110).

Несмотря на статус тувинского языка как государственного, закон выделял: «Государственный язык не должен стать обязательным для представителей всех наций и народностей, проживающих на ее территории, никоим образом не должен вести к языковой дискриминации, каким-либо привилегиям и ограничениям в использовании других языков» (статья 1) (Закон, 1990).

Впоследствии в 1993 г. государственный статус тувинского языка был подтвержден Конституцией Республики Тыва, в 33-й статье которой написано, что «государственным языком Республики Тыва устанавливается тыва язык. Русский язык на территории Республики Тыва действует как общефедеральный государственный язык. Тыва и русский языки равноправно употребляются во всех сферах общения, регламентируемых законодательством, в том числе на всех предприятиях, в учреждениях и организациях, а также органах власти и управления» (Конституция РТ, 1993: 14).

С 2001 г. в результате принятия мер по приведению Конституции республики в соответствие с Основным законом Российской Федерации, тувинский и русский языки были признаны государственными языками Республики Тыва (Конституция РТ, 2001: 4). Однако придание государственного статуса не привело к полноценному развитию и расширению общественных функций тувинского языка, в том числе, в силу несовершенства и неразработанности вопросов государственной языковой политики.

На современном этапе своего развития тувинский язык остается основным средством коммуникации тувинцев. Мощным фактором, влияющим на языковой выбор, является относительно однородная этническая среда: по Переписи 2010 г. 82% населения республики составляют тувинцы. Указанный фактор способствует более интенсивному использованию тувинского языка, но преимущественно в устной коммуникации и в основном как средство внутри-этнического общения. На основе проведенного анализа, мы полагаем, что сегодня функциональное соотношение между тувинским и русским языками обусловлено исторически: на начальном этапе в официальных сферах функционировал монгольский язык, в настоящее время в данной сфере доминирует русский язык.

Таким образом, анализ динамики этноязыковых процессов, а также социокультурный и исторический контекст развития тувинского общества, позволяют выделить нам в функциональном развитии тувинского языка следующие этапы:

1. До начала XX в. – формирование единого тувинского языка, его функционирование как устного и собственно «бесписьменного» идиома, использование старомонгольской письменности, активное взаимодействие с монгольским языком.

2. С 1921 г. по 1944 г. – появление национальной письменности, функциональный расцвет тувинского языка, развитие его литературной базы, становление основных стилей языка. Здесь выделяются два этапа:

1) с 1921 г. по 1930 г. – софункционирование тувинского языка с монгольским, начало взаимодействия с русским языком;

2) с 1930 г. по 1944 г. – создание национальной письменности, становление и укрепление литературной формы тувинского языка, широкое развитие его общественных функций;

3. С 1944 г. по настоящие дни – период функционального двуязычия, активное взаимодействие с русским языком, установление юридического статуса, сужение некоторых сфер функционирования тувинского языка. Здесь также можно выделить два этапа:

1) с 1944 г. до конца 1980-х гг. – расширение функций русского языка и его доминирование в официальных сферах;

2) с 1990 г. по настоящие дни – этап национального возрождения, софункционирование с русским языком.

Подводя итоги, следует напомнить об ускоренном характере протекания современных социокультурных процессов под влиянием глобализации. Резкие изменения в языковом функционировании обусловлены широким развитием цифровых и компьютерных технологий в мире, с распространением и все более усиливающейся ролью глобальной сети Интернет, увеличением молодежного сегмента его пользователей. В связи с этим думается логичным в скором времени выделение нового этапа в функциональном развитии миноритарных языков, в частности тувинского языка – функциональное развитие в цифровую эпоху.

Список литературы:

Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. – Новосибирск: Наука, 1995. – 140 с.

Бавуу-Сюрюн М. В. Тувинский язык в современном его состоянии // Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19–20 апреля 2007 года; Абакан. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. – С. 25–30.

Бавуу-Сюрюн М. В. Вопросы создания электронных ресурсов тувинского языка: некоторые итоги, неотложные задачи и перспективы // Новые исследования Тувы: Электр. науч. журн. – 2016 – № 4. – URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/610>

Баскаков А. Н. Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 34–129.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 439 с.

Доржу Ч. М. Древнеуйгурский язык – субстратная основа тувинского языка // Башкы. – 2008. – № 1. – С. 50–54.

Закон «О языках в Тувинской АССР» принят Верховным Советом Тувинской АССР 14 декабря 1990 г. № 96 // URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/14459985/>

История Тувы: В 3 т. Т. 2 / Под общ. ред. В. А. Ламина. – Новосибирск: Наука, 2007. – 430 с.

Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 320 с.

Конституция (Основной Закон) Республики Тыва. – Кызыл: Изд. Верховного Совета РТ, 1993. – 60 с.

Конституция Республики Тыва: принята на референдуме Респ. Тыва 6 мая 2001 г. – Кызыл: [б. и.], 2001. – 87 с.

Маадыр М. С. Журналы Тувы // Новые исследования Тувы: Электр. науч. журн. – 2009. – № 4. – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/931-maadyr.html

Маннай-оол М. Х. Письменные традиции тувинского народа // Башкы. – 2001. – № 1. – С. 71–74.

Маннай-оол М. Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. – Новосибирск: Наука, 2004. – 166 с.

Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность: Избр. труды. – Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. – 248 с.

- Монгуш З. М. Просвещение и образование тувинцев в период Цинской империи // Тувинская правда. – 2007. – 4 октября. – С. 8.
- Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. – Кызыл, 1985. – С. 3–15.
- Постановление Президиума Верховного Совета Тувинской АССР о проекте Закона Тувинской АССР «О языках в Тувинской АССР» // Тувинская правда. – 1990. – 13 марта. – № 59 (13680). – С. 1.
- Саая С. В. Россия – Тува – Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. – Абакан: Тип. ООО Кооп. Журналист, 2003. – 200 с.
- Самдан А. А. Тувинские летописи как исторический источник // Гуманитарные исследования в Туве: Сб. науч. статей. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – С. 165–173.
- Сам Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973. – 193 с.
- Сам Ш. Ч. Образование функциональных стилей тувинского литературного языка // Тувинская письменность язык и литература. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. – С. 45–57.
- Сердобов Н. А. К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Ученые записки / Тувинский НИИЯЛИ. – Кызыл, 1968. – Вып. 13. – С. 78–109.
- Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. – Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1971 – 481 с.
- Татаринцев Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языка на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1968. – 26 с.
- Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. – 130 с.
- Татаринцев Б. И. К истории создания тувинской письменности. Н. Н. Поппе. // Башкы. – Кызыл, 2000. – № 2. – С. 71–77.
- Татаринцев Б. И. Еще раз о «белых пятнах» в истории создания тувинской письменности // Ученые записки Тув. ин-та гум. исследований. – Кызыл, 2004. – Вып. 20. – С. 288–301.
- Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. – Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. – 288 с.
- Тувинская письменность, язык и литература. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. – 132 с.
- Центральный государственный архив Республики Тыва (ЦГА РТ). Ф. 79, оп. 1, д. 181, л.л. 10–11 (Докладная записка в ЦК ТНРП о состоянии народного образования и состоянии просвещения ТНР. Очередные задачи министерства народного просвещения ТНР на 1944–1947 годы).

Цыбенова Ч. С., кандидат филологических наук, младший научный сотрудник.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН).

Ул. М. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: tschechek@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23 января 2018 г.

Ch. S. Tsybenova

FUNCTIONAL DEVELOPMENT OF THE TUVA LANGUAGE: DIACHRONIC ASPECT

The article deals with the dynamics of functional development of modern Tuva language in compliance with diachronic-sociolinguistic approach. Given the attempt to characterize the history of Tuvan functional development in connection with Tuvan society history, the article describes the social changes that had a direct impact on the functional status of the language. The author conditionally identifies several stages in Tuvan functional development and this division allows seeing language development from one stage to another. Particular attention is paid to pre-Soviet era: Tuvan-Mongolian language contacts, history of Tuvan national writing, language peculiarities during the existence of Tuvan People's Republic, political situation. This time is considered as positive and associated with formation of literary form of the language, expansion of its social functions. The functional state of the language in the Soviet period is characterized by the increasing role of the Russian language in everyday life of Tuvans, the gradual increase of Tuvan-Russian bilingualism, the reduction of some communicative spheres of Tuvan. At the same time, studies showed that during the Soviet period Tuvan remained the main means of communication of Tuvans. Socio-political changes in the early 1990's contributed to the

settlement of the legal status of the Tuvan language, strengthening the national consciousness of Tuvans. On the base of historical reconstruction the general situation of the Tuvan language interaction with Mongolian and Russian is introduced. The analysis show that Mongolian and Russian had significant influence to the Tuvan functional development, namely these languages were its main contact influences. The survey also demonstrates that at the beginning, Mongolian and Russian were mainly used for management, interethnic contacts and maintained only official spheres. The author concludes that such functional distribution led to limited, asymmetrical use of the modern Tuva language in official spheres. In conclusion the stages of Tuvan functional development are represented.

Key words: *language situation, functional distribution, social function, the Tuva language, Tuvans, Republic of Tuva.*

References:

- Balakina G. F., Anajban Z. V. *Sovremennaya Tuva: sociokul'turnye i ehnicheskie process* [Modern Tuva: sociocultural and ethnic processes]. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 140 p. (in Russian)
- Bavuu-Syuryun M. V. *Tuvinskij yazyk v sovremennom ego sostoyanii* [Modern state of the Tuva language] // *Razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sayano-Altaya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 19–20 aprelya 2007 goda*; Abakan [Linguistic and cultural development of indigenous people of Sayan-Altai region: issues of all-Russian scientific-practical conference, 19–20 April 2007]. – Abakan: Izd-vo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, 2007. – P. 25–30. (in Russian)
- Bavuu-Syuryun M. V. *Voprosy sozdaniya ehlektronnyh resursov tuvinskogo yazyka: nekotorye itogi, neotlozhnye zadachi i perspektivy* [The questions of development electronic resources of the Tuva language: some results, acute issues and perspectives] // *Novye issledovaniya Tuvy: Elektr. nauch. zhurn.* [New researches of Tuva: electronic research journal] – 2016. – № 4. – URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/610> (in Russian)
- Baskakov A. N. *Nasyrova O. D. Yazykovye situacii v tyurkoyazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskij ocherk)* [Language situation in Turkic republics of the Russian Federation (short sociolinguistic essay)] // *Yazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ya: status i funkcii* [Languages of the Russian Federation and new foreign countries: status and functions]. – M.: Editorial URSS, 2000. – P. 34–129. (in Russian)
- Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. – 439 p. (in Russian)
- Dorzhu Ch. M. *Drevneujgurskij yazyk – substratnaya osnova tuvinskogo yazyka* [Ancient uigur – the substrat base for the Tuva language] // *Bashky.* – 2008. – № 1. – P. 50–54.
- Zakon «O yazykah v Tuvinskoj ASSR» prinyat Verhovnym Sovetom Tuvinskoj ASSR 14 dekabrya 1990 g. № 96 [Law “About languages in the Tuvan autonomous soviet social republic” accepted by Verhovny Sovet of the Tuvan autonomous soviet social republic on 14 December 1990 g. № 96] // URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/14459985/>
- Istoriya Tuvy: V 3 t. T. 2* [History of Tuva: 3 parts. Part 2] / Pod obsh. red. V. A. Lamina. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 430 p. (in Russian)
- Kuzhuget A. K. *Duhovnaya kul'tura tvincev: struktura i transformaciya* [Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation]. – Kemerovo: KemGUKI, 2006. – 320 p. (in Russian)
- Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Respubliki Tyva [Constitution (General law) of the Republic of Tyva]. – Kyzyl: Izd. Verhovnogo Soveta RT, 1993. – 60 p.
- Konstituciya Respubliki Tyva: prinyata na referendumе Resp. Tyva 6 maya 2001 g. [Constitution of the Republic of Tyva: accepted on Referendum of Resp. Tyva on 6 may 2001] – Kyzyl: [b. i.], 2001. – 87 p.
- Maadyr M. S. *Zhurnaly Tuvy* [Journals of Tuva] // *Novye issledovaniya Tuvy: Elektr. nauch. zhurn.* [New researches of Tuva: electronic research journal] – 2009. – № 4. – URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/931-maadyr.html
- Mannaj-ool M. H. *Pis'mennye tradicii tuvinskogo naroda* [Written traditions of Tuvans] // *Bashky.* – 2001. – № 1. – P. 71–74.
- Mannaj-ool M. H. *Tuvincy: Proiskhozhdenie i formirovanie ehtnosa* [The Tuvans: origin and formation of ethnic] – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 166 p. (in Russian)
- Mongush D. A. *Tuvinskij yazyk i pis'mennost': Izbr. trudy* [The Tuva language and writing: selected works] – Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. – 248 p. (in Russian)
- Mongush Z. M. *Prosveshchenie i obrazovanie tvincev v period Cinskoj imperii* [Enlightenment and Education of Tuvans in Tsin empire period] // *Tuvinskaya pravda.* – 2007. – 4 oktyabrya. – P. 8. (in Russian)

- Mongush D. A., Tatarincev B. I. Problemy izucheniya funkcionirovaniya russkogo yazyka v Tuve [Research problems of the Russian language functioning in Tuva] // Russkij yazyk v Tuve [Russian language in Tuva]. – Kyzyl, 1985. – 220 p. – P. 3–15. (in Russian)
- Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta Tuvinskoj ASSR o proekte Zakona Tuvinskoj ASSR «O yazykah v Tuvinskoj ASSR» [Decree of Verhovny Sovet Presidium of the Tuva autonomous soviet social republic about project of Tuva ASSR Law “About languages in the Tuvan autonomous soviet social republic” // Tuvinskaya pravda. – 1990. – 13 marta. – № 59 (13680). – P. 1. (in Russian)
- Saaya S. V. Rossiya – Tuva – Mongoliya: «central'no-aziatskij treugol'nik» v 1921 – 1944 godah [Russia – Tuva – Mongolia: “centroasian triangle” in 1921 - 1944] – Abakan: Tip. OOO Koop. Zhurnalist, 2003. – 200 p. (in Russian)
- Samdan A. A. Tuvinskie letopisi kak istoricheskij istochnik [Tuva chronicles as historical resours] // Gumanitarnye issledovaniya v Tuve: Sb. nauch. statej [Humanitarian researches in Tuva: research articles digest]. – M.: Izd-vo RUDN, 2001. – P. 165–173. (in Russian)
- Sat Sh. Ch. Formirovanie i razvitie tuvinskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka [Formation and development of the Tuvan national literary language] – Kyzyl, 1973. – 193 p.
- Sat Sh. Ch. Obrazovanie funkcional'nyh stilej tuvinskogo literaturnogo yazyka [Formation of functional genres of the Tuvan literary language] // Tuvinskaya pis'mennost', yazyk i literatura [Tuva writing, language and literature] – Kyzyl: Tuvknigoizdat, 1980. – 132 p. – P. 45–57.
- Serdobov N. A. K voprosu o nekotoryh sociologo-lingvisticheskikh processah v nacional'noj konsolidacii tuvincev [To the question of some sociolinguistic processes in Tuvans national consolidation] // Uchenye zapiski / Tuvinskij NIYALI. – Kyzyl, 1968. – Vyp. 13. – P. 78–109.
- Serdobov N. A. Istoriya formirovaniya tuvinskoj nacii [History of Tuva nation formation] – Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd-vo, 1971 – 481 p. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Vliyanie leksiki russkogo i mongol'skogo yazyka na razvitie leksicheskoy sistemy sovremennogo tuvinskogo literaturnogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Russian and Mongolian lexis influence to the development of the modern Tuva literary language lexical system: synopsis of diss. ... cand. filol. science] – Novosibirsk, 1968. – 26 p. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku [Mongolian language influence to Tuva lexis]. – Kyzyl: Tuvknigoizdat, 1976. – 130 p. (in Russian)
- Tatarincev B. I. K istorii sozdaniya tuvinskoj pis'mennosti. N. N. Poppe [To the history of Tuva writing creature. N. N. Poppe] // Bashky. – Kyzyl, 2000. – № 2. – P. 71–77.
- Tatarincev B. I. Eshe raz o «belyh pyatnah» v istorii sozdaniya tuvinskoj pis'mennosti [Once again about “white spots” in the history of Tuva writing] // Uchenye zapiski Tuv. in-ta gum. issledovaniy [Scientific notes of Tuva humanitarian research institute]. – Kyzyl, 2004. – Vyp. 20. – P. 288–301. (in Russian)
- Tatarincev B. I. Izbrannye nauchnye trudy [Selected research works]. – Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. – 288 p. (in Russian)
- Tuvinskaya pis'mennost', yazyk i literatura [Tuva writing, language and literature]. – Kyzyl: Tuvknigoizdat, 1980. – 132 p. (in Russian)
- Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tyva (CGA RT) [Central State archive of the Republic of Tyva]. F. 79, op. 1, d. 181, pp. 10–11 (Dokladnaya zapiska v CK TNRP o sostoyanii narodnogo obrazovaniya i sostoyanii prosveshcheniya TNR. Ocherednye zadachi ministerstva narodnogo prosveshcheniya TNR na 1944–1947 gody) [Reporting notice to Central Committee of Tuva People's Republic Party about state of national education and condition of Tuva People's Republic enlightenment. Regular tasks of National Enlightenment Ministry of TPR to the period of 1944–1947 years]. (in Russian)

Tsybenova Ch. S., kandidat of Philology, junior research fellow.

**Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian branch
of Russian Academy of Sciences.**

Ul. M. Sahyanovoi, 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: tschechek@mail.ru